

Библиографический список

1. Горбатенко В. П. Определяющие тенденции и перспективы формирования гражданского общества в современной Украине // Проблемы политико-правового развития в XXI веке : материалы междунар. науч.-практ. конф., 19—20 ноября 2010 г. / редкол.: В. А. Назаров, А. К. Сквиков, И. В. Яковюк. М. : НИПКЦ «Восход-А», 2010. С. 50—57.
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Международное право в документах : учеб. пособие / сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 122—129.
3. Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М. : Высш. шк. экономики, 2012. 472 с.
4. Панарин А. С. Народ без элиты. М. : Эксмо, 2006. 352 с.
5. Половые соотношения украинского парламента. URL: <http://www.from-ua.com/politics/93937eaed5874.html> (дата обращения: 10.09.2012).
6. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
7. Устав Организации Объединенных Наций // Международное право в документах. С. 13—14.
8. Буркут І. Г. Виборчі технології : регіональний досвід. Чернівці : Букрек, 2009. 240 с.

ББК 60.542.2

Т. Б. Рябова, А. А. Романова

**ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО АНТИАМЕРИКАНИЗМА
(К постановке проблемы)**

«Ненависть к Америке. Новый мировой спорт» — так называлась книга Дж. Гибсона, вышедшая в свет в 2004 г. [29]. В 2000-х появилось немало других исследований, которые подтвердили опасения американской элиты о том, что, несмотря на всю силу «мягкой власти» США, высокий уровень антиамериканских настроений характерен для самых различных регионов. Резкий всплеск выступлений в исламском мире осенью 2012 г., вызванных фильмом «Невинность мусульман», продемонстрировал, с какой легкостью эти настроения могут быть актуализированы и использованы в политической мобилизации.

Данные социологических опросов говорят о том, что антиамериканизм характерен и для современной России: США воспринимаются значительной частью россиян как страна недружественная [6, 7, 8]. Парламентская и президентская избирательные кампании 2011—2012 гг. показали, что антиамерикан-

ская риторика стала вполне респектабельным и легитимным ресурсом политической мобилизации в современной российской политике.

Антиамериканизм — это сложный, многоаспектный и многоуровневый феномен, имеющий несколько измерений, одним из которых является гендерное. В перестроечные и первые постперестроечные годы воображаемая Америка выступала универсальным референтом во всех сферах, включая сферу взаимоотношения полов. Популярная в 1990-х гг. песня со словами «Америкэн бой, уеду с тобой» — достаточно показательный пример признания превосходства гендерных моделей США над отечественными.

В какой степени такая оценка гендерных норм и моделей сохранилась сейчас, в условиях роста антиамериканских настроений в России? Какими маркерами сегодня наделяются американские и российские мужчины и женщины? Как оценивается гендерный порядок США и России? Какую роль сравнение гендерных моделей США и России играет в процессе национальной идентификации россиян? Какой вклад образы американских и российских мужчин и женщин вносят в современное отношение россиян к США? Ответы на эти вопросы мы попытаемся найти в данной статье.

Вначале мы кратко охарактеризуем феномен антиамериканизма, уделив особое внимание его роли в национальной идентичности. Далее речь пойдет о том, что собой представляет гендерное измерение антиамериканизма. Наконец, мы проанализируем современный российский антиамериканизм и роль в нем гендерных образов, символов и метафор.

Антиамериканизм в контексте национальной идентичности

В наиболее общем виде под антиамериканизмом понимают негативные чувства по отношению к США: обществу, гражданам, ценностям и символам. Содержание антиамериканских настроений варьируется в зависимости от многих признаков: кто является их субъектом и объектом, насколько радикальны антиамериканские взгляды, как они институализированы в обществе и т. д. Это позволяет исследователям говорить о гетерогенности антиамериканизма [33, p. 18] и классифицировать его на основании самых различных признаков (см., напр.: [33, p. 27—34; 37, p. 70—82, 21]).

Так, антиамериканизм различается в идеологии не только государств, скажем Германии и России, Кореи и Венесуэлы, но и политических, религиозных, культурных объединений (см., напр.: [1, 30, 35, 40]). Правые партии в Европе видят в США угрозу национальной идентичности для своих стран, а левые — угрозу человечеству и ценностям «свободы, равенства, братства» [4]. Пример различий в интерпретациях антиамериканизма можно найти даже в самой Америке: американские левые считают его скорее осуждением политики США, что можно легко изменить, в то время как правые — трудноискоренимым предрассудком, направленным против американцев и их ценностей [33, p. 10; 35, p. 11—12].

Различной является и степень негативных чувств: от крайне враждебных к ценностям американизма, демонстрируемых радикальным исламом, до недовольства лишь отдельными аспектами внешней политики США со стороны бывших стран «восточного блока» — «маленькой Америки», как назвал их Дж. М. Ковач [28, 34, 41].

Объект антиамериканизма также не является гомогенным: в одних случаях это американское государство, в других — его граждане и сама американская цивилизация. Считается, что истоки немецкого и британского антиамериканизма лежат скорее в неприятии политики США, а французского — в укоренившейся неприязни французов к самим американцам [31, р. 131]. Согласно данным опросов, в целом к американцам относятся более благожелательно, чем к США [25, р. 283]. Дифференцируется и оценка различных аспектов жизни в США: образования и экономики, политики и культурных достижений [33, р. 15—17].

В контексте нашей темы важен тезис о том, что антиамериканизм превращается и в фактор внутренней политики. Благодаря присутствию в структуре антиамериканизма нормативных элементов он используется различными политическими силами в политической мобилизации. При этом взгляды на США всегда являются полем конкурирующих дискурсов, результатом политической борьбы, а также расчетов, насколько они соответствуют интересам политических партий [33, р. 12]. Так, К. Руцца и Э. Боццини показали, как антиамериканизм стал фактором мобилизации общественного мнения в европейском антивоенном движении [42] (см. также: [4]). Идеологией, которую можно использовать в самых различных целях, некой «шляпой фокусника», под которой соединились элементы многих идеологий, страхов и политических стратегий, назвал антиамериканизм И. Крастев [35, р. 9]. Таким образом, будучи включенным в политику государства и других участников политической жизни, он становится ресурсом власти.

Причины такого сложного феномена, как антиамериканизм, разумеется, тоже весьма и весьма многообразны: и специфика американской истории и внешней политики¹, и международная обстановка², и тенденции развития мировой цивилизации³. Кроме того, антиамериканизм может быть обусловлен внутренними потребностями того или иного общества для достижения своих целей (скажем, легитимация власти), а также психологическими причинами, связанными со всевозможными фобиями⁴ и потребностью поддержания позитивной коллективной идентичности. Для нашей статьи наибольший интерес представляют функции антиамериканизма в поддержании национальной идентичности современной России.

Процессы национальной идентификации предполагают наличие не только образа Своих, но и репрезентаций Чужих, а также символических границ между ними. Отношение между Своими и Чужими — ключевой элемент коллективной идентичности [32]. США, выступая в качестве наиболее значимого

---

¹ Например, по данным социологических опросов, отношение к США в Европе резко ухудшилось после войны в Ираке [25, 42, 46].

² Так, едва ли страны Западной Европы могли бы позволить себе акцентированный антиамериканизм в разгар холодной войны (о причинах антиамериканизма в Европе после Второй мировой войны см. также: [18]).

³ Достаточно популярным является мнение о том, что отторжение США связано с неприятием модернизации и глобализации, которые ассоциируются с Америкой [37, р. 112; 42, р. 116].

⁴ См. подробнее: [23, 36, 37, 46].

Другого для многих государств, оказывают влияние на формирование их коллективной идентичности. Так, фактором, обусловившим рост антиамериканских настроений в Европе в последние 20 лет, стало расширение Европейского Союза и значительное укрепление общеевропейской идентичности. Как отмечает И. Нойман, для того чтобы объединить в единое политико-экономическое образование десятки различных национальных государств, потребовалось присутствие значимого Другого, каковым, кстати, помимо США, выступает Россия [38, сар. 3]. В еще большей степени он востребован в государствах, которые испытывают проблемы с национальной идентификацией, например по причине острых этнических или конфессиональных конфликтов внутри общества [33, р. 13]. Очевидно, данный фактор следует принимать во внимание при анализе постсоветской идентичности в России.

Идентичность поддерживается за счет множества ресурсов, одним из которых является гендерный.

Гендерное измерение антиамериканизма

О гендерном измерении антиамериканизма можно говорить в нескольких аспектах. Прежде всего, это негативные оценки гендерного порядка американского общества и критика влияния США на гендерный порядок других культур. Далее, это различия в отношении к США, свойственные мужчинам и женщинам. Наконец, это использование антиамериканизма в гендерной политике государства или других политических акторов.

Как было отмечено, значимым элементом коллективной идентичности являются не только образы Своих и Чужих, но и символическая граница между ними. Каким образом проводятся символические границы между Своими и Чужими? По мнению Ф. Барта, социальные границы создаются при помощи особых маркеров — элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (скажем, одежда, язык, стиль жизни) [22, р. 14]. Эффективные символические пограничники должны, во-первых, маркировать границу и быть узнаваемыми; во-вторых, делать границу «непреодолимой», легитимируя ее, придавая ей видимость законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные [12, с. 117]. Гендерные представления успешно выполняют роль таких пограничников.

Рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов позволяет ряд факторов. Прежде всего, гендерные идентификаторы помогают определить Своих и Чужих [47, р. 23]. Эссенциализация, которая содержится в гендерных концептах, переносится, например, на обоснование сущностного и потому неустранимого характера противоречий между враждующими социальными субъектами (см. подробнее: [10, с. 19]). Кроме того, гендерные идентификаторы включены в отношения власти и подчинения: они вырабатывают систему оценок и предпочтений. Поскольку атрибуты власти — сила, решительность, контроль и т. д. — соотносятся с маскулинностью, между тем как атрибуты подчинения — пассивность, слабость и т. д. — с фемининностью [45, р. 43; 26], то маркировка социальных объектов (в нашем случае — политических акторов) как женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и соответствующего места в социальной

иерархии. Это определяет ведущую тенденцию использования гендерных маркеров в оценках политических акторов — маскулинизацию Своих и демаскулинизацию/феминизацию Чужих. Гендерное неравенство, таким образом, используется как матрица для обозначения других видов господства и подчинения (см. подробнее: [13]).

Говоря о включении гендерного дискурса в антиамериканизм, среди основных пунктов обвинения Америки выделим прежде всего негативные оценки гендерного порядка в США как девиантного, противоестественного и, кроме того, критику их вмешательства в жизнь других стран с целью подрыва их устоев, в том числе и гендерных.

Анализируя негативный образ гендерного порядка США, необходимо различать несколько его составляющих. Во-первых, это образ Чужого *per se* как угрозы «повреждения нравов», который в более или менее явной форме присутствует, пожалуй, даже в самом толерантном обществе. Во-вторых, это антивестернизм: Америка выступает воплощением Запада, история неприятия которого, в том числе в гендерном аспекте, насчитывает много столетий [24]. В-третьих, это критика буржуазного, капиталистического гендерного порядка, которая ведет начало от работ Ф. Энгельса, оказавших сильное влияние на восприятие американских гендерных канонов в советской культуре холодной войны. В-четвертых, это обвинения, предъявляемые собственно американской цивилизации.

Постулирование девиантности американской маскулинности принимает различные формы: она критикуется как за недостаток «мужских» качеств, так и за их избыток. В этом плане интерес представляет дискурс военных операций, которые США вели в Афганистане и Ираке в последние два десятилетия. Американские СМИ представляли маскулинность американцев самой передовой. Это подразумевало и ведение войны при помощи новейших средств вооружения, что позволяло избегать потерь своих военнослужащих, и признание равноправия женщин, и допустимость проявления качеств, которые считались женскими (хрестоматийный пример — слезы американского генерала Шварцкопфа, которые увидел весь мир) [39]. Однако их противники эту «продвинутость» трактуют как вырождение, а собственную «отсталость» — как верность традиции, канонам, установленным природой или Богом. Американцев представляли как изнеженных метросексуалов; заметим, что обвинения мужчин Запада в изнеженности являются достаточно традиционными [24]. Как известно, трусость представляет собой одно из главных обвинений, предъявляемых Врагу; в частности, оппозиция «настоящий мужчина — трус» занимала видное место в пропагандистской риторике талибов в период военных действий в Афганистане после 11 сентября 2001 г. «Американцы любят пепси-колу. Мы любим смерть» — так представил эту оппозицию один офицер талибана [27].

То же самое можно сказать и о репрезентациях женщин США, которых отличает, по мнению их критиков, либо избыток женственности (что находит выражение в сексуальной распушенности американок), либо мужеподобность. В связи с этим обвиняется и гендерный порядок, установленный в американском обществе: либеральный Запад, в первую очередь Америка, обвиняется в извращении должных отношений между полами, что выражается в феминизме и распространении гомосексуализма.

Наконец, фактором антиамериканских настроений являются представления о том, что США — преднамеренно или нет — выступают источником распространения порнографии, насаждения проституции, растления молодежи, разрушения семьи в других культурах.

Российский антиамериканизм и его гендерное измерение

Антиамериканизм в России имеет, как и в других странах, долгую историю [2, 19, 44]. Особой интенсивности он достиг в годы холодной войны: США превратились в главного геополитического и идеологического соперника. Необходимо учитывать специфику антиамериканизма в СССР: он носил не национальный, а классовый характер. Советская идеология требовала объяснять недостатки США не сущностными чертами американской культуры, не американскостью, а влиянием социально-экономического строя. Кроме того, от советских пропагандистов требовали изображать не только «плохих» американцев, но и «хороших», в число которых входили американские коммунисты, рабочий класс, «борцы за мир» и афроамериканцы [11, с. 203, примеч.].

В перестроечных трансформациях американский Другой выступал как эталон во всех отношениях, включая гендерные. Отечественные мужчины перестроечных и первых постперестроечных лет обвинялись в самых разнообразных грехах: финансовой несостоятельности, инфантильности, зависимости от государства, общества и женщины [17, с. 57]. Американцы репрезентировались в СМИ как состоятельные, успешные, сильные, самостоятельные, независимые. Американцам (не только мужчинам, но и нации в целом) чаще атрибутировались инструментальные качества (сила, активность, решительность и др.), составляющие стереотип маскулинности и связанные с деятельностью и с позициями власти; русским — те, что относятся к области межличностных отношений и соответствуют стереотипу фемининности (коллективизм, крепкие связи в семье, любовь). Приписывание маскулинных и фемининных черт социальным группам, как уже отмечалось, имеет политические последствия, поскольку оно влечет за собой представления о должном месте в иерархии власти. Вместе с тем в 1990-х возрастала интенсивность антиамериканских настроений: на США постепенно начали возлагать ответственность не только за утрату геополитического величия страны, но и за ухудшение жизненных условий подавляющего большинства людей.

Изменение политики России в 2000-х обусловило изменение образов Своих и Чужих. Прежде всего это объясняется стремлением восстановить статус великой державы и проводить суверенную политику. Кроме того, консолидация российской гражданской нации, построение которой стало одним из приоритетов внутренней политики, невозможна без формирования общероссийской идентичности. Поскольку в силу разных причин ни, скажем, исламский Восток, ни даже советское прошлое не могли выполнять роль Другого, это место в идентичности россиян заняли США, что стало важным фактором усиления антиамериканизма.

В процесс идентификации включаются, во-первых, репрезентации русских/российских и американских мужчин и женщин и, во-вторых, гендерные характеристики, атрибутируемые США и России.

Восстановление национального престижа государства, объявленное одним из приоритетов политики В. Путина, принимает форму ремаскулинизации [17]. Образ России наделяется маскулинными коннотациями, в числе которых независимость, индивидуализм, рациональность, сила. Идеи о женственности России, ее жертвенности, милосердии, вселенской отзывчивости постепенно теряют свою популярность. Еще в 2003 г. фонд «Общественное мнение» предлагал респондентам закончить предложение «Я бы хотел, чтобы в мире Россию считали...». Почти половина опрошенных (48 %) предпочли, чтобы Россию считали могучей, непобедимой, несокрушимой, и лишь мизерная часть (3 %) хотела, чтобы страну воспринимали миролюбивой и дружелюбной [5].

Другим измерением ремаскулинизации стало создание позитивного образа маскулинности. Новая идентичность России как сильной успешной страны, сформировавшаяся в этот период, предполагала создание новых привлекательных гендерных образов, прежде всего образа мужественности, соответствующих идущим в обществе процессам и способных конкурировать с западными, в том числе с американскими. Одной из самых популярных и привлекательных моделей маскулинности, реакцией на образ слабого инфантильного мужчины советских и первых постсоветских лет стал образ «мужика», с одной стороны, основанный на идее экономической самостоятельности и уважении к частной собственности и выстроенный в соответствии с национальными стандартами — с другой. Этот образ представлял собой синтез либерального, советского и традиционно русской маскулинности (см. об образе «мужика» как гегемонной маскулинности: [15, с. 319—320]).

При этом российские антиамериканские настроения содержат не только критику американской маскулинности, но и обвинения США в распространении лжеценностей массовой культуры, которая приводит в том числе и к разрушению русской культуры и русского гендерного порядка.

Подлинная русская мужественность противопоставляется неподлинной, выродившейся. Проблема «порчи» лучших качеств русской маскулинности нередко воспринимается опять-таки через призму антиамериканизма. В статье И. Новиковой анализируется дискурс вокруг поражения хоккейной сборной России от команды Латвии; важнейшей составляющей этого дискурса стали обвинения в адрес российских хоккеистов, которые играют в НХЛ, в том, что деньги и карьера (американские ценности) заслонили Родину и товарищество (ценности русской мужественности). Фактически та же мысль проводится в фильме А. Балабанова «Брат-2» (2000 г.) [11, с. 237].

Аналогичным образом критикуется американская женственность. Русская женственность представляет норму; в соответствии с мифом о русской женщине ей приписываются достоинства и западных, и восточных женщин [9]. Напротив, американская женственность в представлении россиян в 2000-х гг. не соответствовала эталону. Американки упрекались в недостатке женственности (см., напр.: [16, с. 55]). Одна из причин подобной девиантности американских женщин — ее связь с феминизмом, который, по оценке И. Савкиной, часто репрезентируется как «все не наше», как явление, противоречащее универсальным ценностям русской культуры и, более того, как «одно из имен или псевдонимов Врага России» [43, с. 467—468].

Отмеченные тенденции достаточно явственно прослеживаются в публичном дискурсе современной России.

Задача проведенного нами социологического исследования⁵ заключалась в том, чтобы проверить, существуют ли подобные представления в общественном мнении. Прежде всего мы попросили наших информантов охарактеризовать американскую и российскую политику при помощи маркеров, обладающих гендерными коннотациями (независимость, рациональность, сила, слабость, жертвенность и др.).

США, как и Россия, предстают в глазах большинства наших информантов как сильное государство с независимой и рациональной политикой. Заметим, что среди подчеркивающих силу России, было больше тех, кто обозначил себя сторонниками действующей власти. Напротив, среди нескольких информантов, отдавших безусловный приоритет США, были, по преимуществу, «сторонники либеральной идеи».

Россия, в отличие от США, — слабая <...> наши лидеры только перед своими гражданами герои, а как доходит до реальных дел — замалчивают свою трусость. *Антон.*

Поскольку в силу ингруппового фаворитизма и потребностей позитивной идентификации Свои оцениваются более благожелательно, то значимый Другой обречен на девиантность. Наиболее распространенной формой репрезентации девиантности Чужих является их демаскулинизация.

Образ США в современной России демонстрирует другой вариант конструирования гендерной девиантности Чужих. Он становится возможным по причине амбивалентности стереотипа, позволяющей оценивать явление с разными знаками [13, с. 5; 14, с. 32—33] и использовать стереотип в соответствии с актуальными интересами субъекта стереотипизации. Гегемонная маскулинность, как пишет С. Нива, далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «крайней» степени развития [39].

Маскулинность США признается, однако считается девиантной, поскольку здесь сила политики переходит в агрессивность, рациональные интересы — в эгоизм и черствость по отношению к другим. Агрессивной авторитарной маскулинности политики США информанты, как правило, противопоставляли спокойную силу политики России, которая, в отличие от «эгоистичной Америки, заступает за слабых по причине своей гуманности».

Русские стараются помочь всем и вся, американцы же преследуют личную выгоду в основном. *Иван*

---

⁵ Материалами эмпирического исследования послужили результаты интервью, проведенного в г. Иванове (весна 2012 г., N=27) среди молодежи — социальной группы, взгляды которой позволяют в наиболее чистом виде судить о новых тенденциях в процессе национальной идентификации россиян, поскольку молодежь в большей степени свободна от памяти как об антиамериканизме холодной войны, так и о проамериканизме 90-х гг. Исследование оценок молодежи помогает установить и степень устойчивости традиционных гендерных норм и эталонов, заданных и в советский, и в постсоветский период.

Гендерная девиантность Америки проявляется и в разрушении семейных связей и традиционных гендерных норм. В частности, важным маркером, который символизирует нормальность или девиантность гендерных моделей в США и России, является отношение к гомосексуализму.

Позиция информантов по поводу однополых браков, легализованных во многих штатах США, была почти единодушной; при этом ни пол, ни политические предпочтения информантов роли не играли. Участники интервью сочли, что такой путь нашей стране не подходит. (Заметим, что данные общероссийских опросов демонстрируют те же результаты; см., напр.: [3].)

Свою позицию информанты объясняли и отсутствием толерантности в России (*«им трудно будет жить в нашем обществе»*), и сложной демографической ситуацией. Большинство, однако, в качестве причин неприятия акцентировало *«аморальность и противоестественность»* таких явлений.

Мы не должны следовать примеру Америки в этом отношении, это деморализация человека, страны, общества. *Алексей*

Лишь двое информантов не высказали возражений против идеи легализовать такие браки в России.

Заметим, что к феминизму, еще одному явлению, которое в публичном дискурсе современной России в последние годы все чаще отождествляется с гендерной девиантностью, с одной стороны, и влиянием Запада, с другой, у большинства наших информантов отношение было спокойным. Оно резюмируется такими суждениями: *«за или против — это должно быть выбором женщины»*, *«феминизм должен быть в пределах разумного»*. Лишь несколько информантов считают феминизм девиацией. Один из них при этом объяснил феминизм негативным влиянием Запада, а другой в своей инвективе объединяет в одно целое феминизм и гомосексуализм.

Феминизм — это что-то неестественное. Природу не обмануть <...> На мой взгляд, феминизм — это ветер в сторону однополых браков. *Константин*

Феминизм нам принесли с Запада, чтобы разрушить нашу страну. *Егор*

Данные нашего интервью показывают, что гендерные образы американских и российских мужчин и женщин, наряду с образами США и России, участвуют в проведении границ между Своими и Чужими и тем самым в процессе национальной идентификации. Лишь небольшая часть наших информантов считали, что люди одинаковы в разных странах и частях света, поэтому следует говорить не о поступках американских и российских мужчин, а о поступках мужчин и женщин. (*«Военный гранату собой накрыл — это мужской поступок. Неважно, в России или в Америке»*.) Особенно четко эта позиция была сформулирована в интервью тех, кто обозначил свои либеральные убеждения.

Чем американцы отличаются от нас? Только тем, что живут в другой стране. Их умелость в бизнесе обуславливается не гражданством, а тем, что условия для бизнеса в США комфортнее, нежели у нас. *Антон*

Большая часть участников интервью, однако, пришли к мнению, что мужчин двух стран различает очень многое. Традиционно американцам приписыва-

ваются качества и ценности, которые соотносятся с действием, со сферой деловой активности, с позициями власти и управления и являются составляющими маскулинности (деловитость, успешность, ориентированность на карьеру, практичность, лидерские качества, сила и др.). Автостереотип русских содержит скорее качества и ценности, соотносящиеся со сферой межличностного взаимодействия и являющиеся составляющими фемининности (забота, доброта, сострадание, любовь, коллективизм).

Результаты интервью 2012 г. показали, что американцам по-прежнему приписываются инструментальные качества. По мнению информантов, им в большей степени, чем русским, свойственны умение зарабатывать деньги, ответственность, карьерные устремления (хотя *«бездельники есть, несомненно, и в Америке»*), способность к организации и ведению бизнеса, независимость, самостоятельность, деловая хватка и рациональный подход к делу. Наконец, они в большей степени стремятся к лидерству, поскольку *«в их менталитете успешность и желание чего-то добиться»*.

Однако результаты интервью продемонстрировали, что изменения в национальной идентичности россиян в XXI в., о которых говорилось выше, отразились и на содержании образа Своих. Вместе с образом жертвенной душевной России постепенно исчезает образ душевных, жертвенных русских. Участники нашего интервью не сомневаются в том, что российские мужчины обладают нормативной мужественностью, хотя содержание этой мужественности заметно отличается от американского стандарта.

Во-первых, атрибуты российских мужчин — это сила и мужество. Более половины участников интервью сочли, что мужественными, сильными, отважными и даже героичными следует назвать именно соотечественников. Заметим, что такая точка зрения была популярна больше среди мужчин, чем женщин.

Русские не уступают ничем, а превосходят, они сильнее характером, волей, мужеством. *Артём*

Без сомнений, русский человек — самый смелый и отважный человек на этой планете. *Лешиа*

Во-вторых, это экономическая состоятельность и финансовая независимость соотечественников и их способность обеспечивать семью.

Кто больше заботится о своей семье, о том, чтобы семью прокормить? Наши, при этом для них эта задача посложнее будет, так как условия, к сожалению, гораздо хуже. *Иван*

Помимо стандартных, «западных», мужских характеристик, русские мужчины, по мнению информантов, обладают рядом специфических, составляющих отличительные черты новой национальной маскулинности.

В отличие от воображаемого мужчины современного Запада, в том числе и Америки, «мужик» вынослив, и крепок, и силен; он говорит немного, но всегда отвечает за свои слова [17, с. 54].

Я всегда считал, что надежны и выносливы — именно наши мужики. *Константин*

Русские превосходят американцев в надежности, выносливости, изобретательности и находчивости. Если участники интервью не сомневались в том, что и русские, и американцы умны, то находчивость приписывали исключительно русским, причем с похожими объяснениями. Таким образом, когнитивным качествам Своих отдается предпочтение.

Когда у человека чего-то нет, приходится включать мозги. А у русских много чего. *Алексей*

У нас жить сложнее, вот и приходится что-то придумывать. *Мария*

Русские всегда найдут, как выбраться из трудной ситуации. *Юлия*

Специфика российского и американского патриотизма также выступает маркером, отделяющим Своих от Чужих. Согласно канонам новой маскулинности, «мужик» является и патриотом: он предпочитает ценности отечественной культуры и выражает готовность защищать Родину [17, с. 54].

Патриотами, по мнению участников интервью, являются и те и другие. Однако патриотизм их существенно отличается: «*одни сражаются по зову сердца*», другие — «*под нажимом государства*».

Любят ли американцы свою родину? Любят <...> но все же наш патриотизм сильнее намного, пусть мы не любим правительство, но родную землю мы защищать будем до конца. *Иван*

Американцы — патриоты, но у них грамотная пропаганда и войны всегда ведутся за сферы влияния. А Россия только и держится, что на патриотах. *Константин*

Однако наибольшую специфику национальной мужественности обычно традиционно видят в качествах экспрессивных, связанных не с действием, а с межличностным общением. Милосердию, доброте и сострадательности русских противопоставляются черствость, эгоизм и бездушие представителей западных культур (это подтверждают и данные опросов, проводившихся ранее: [16; 20, с. 61]).

Три четверти информантов согласились с этим тезисом. Остальные сочли, что различать мужчин по этим признакам нельзя.

Мы в равной степени эгоисты и в равной степени страдаем. *Антон*

Важной составляющей образа новой российской маскулинности, противопоставляемой западным индивидуализму и эгоизму, является чувство товарищества, мужское братство, которое в настоящем виде возможно только в России.

Мужская дружба возможна в США <...> но все же не в такой степени. *Иван*

Русские и американские мужчины во многом похожи, но мужская дружба есть только у русских мужчин. *Мария*

В качестве маркера идентичности выступает и еще одно экспрессивное качество, традиционно приписываемое американцам, — дружелюбие. Наши информанты считали, что оно характерно для русских, при этом большая часть

из них провели границу между дружелюбием американцев, которое является лишь нормой вежливости, и открытостью русских.

Не все экспрессивные качества оценивались позитивно. Скажем, эмоциональность, которую наши информанты атрибутировали русским. *«Русские часто поддаются своим эмоциям. Иногда это играет не нам на руку».*

Подчеркнем, что существенных гендерных различий в ответах наших информантов не было, что объясняется высокой степенью идентификации со Своей группой при проведении границ между Своими и Чужими и важностью позитивной идентификации при таких оценках. Нужно сказать, что информанты-девушки иногда упрекали соотечественников в отсутствии тактичности, ухоженности, уважительного отношения к женщинам. Отметим: ни одно из этих качеств не является неперенным атрибутом «мужика». Юноши же считали, что они уступают американцам в рациональном подходе к делу, уверенности в себе, трудолюбию (*«мы — ленивый народ»*). Неумеренное потребление алкоголя (русские мужчины *«пьют безбожно»*) также характеристика русских.

Интерпретация российской и американской женственности также является маркером, отделяющим Своих от Чужих, подтверждающим нормы и задающим эталоны. Результаты нашего интервью демонстрируют, что американкам приписываются «инструментальные» качества (решительность, активность, успешность, независимость, предприимчивость). Американки успешнее в карьере, чем россиянки, и имеют больше прав в обществе (*«для них это важнее»*). Те из информантов, кто решил, что у американок есть преимущества по сравнению с российскими женщинами, видел их в здравом смысле, деловой хватке, практичности, самостоятельности. Впрочем, типичной является скорее позиция информанта, который отдал предпочтение Своим женщинам по всем позициям, высказав, однако, пожелание:

Только чтобы наши русские женщины не пили и не курили, думаю, в Америке с этим получше чуть-чуть. *Иван*

Нормативная женственность (красота, доброта, теплота, заботливость, сострадание, забота о семейном очаге и др.), напротив, закрепляется за Своими, русскими, женщинами. (Наши исследования в 2007 и 2010 гг. показали те же результаты: [16, 20].)

Большинство информантов — и юношей, и девушек — считают, что русские/россиянки добрее, милосерднее, «душевнее» и красивее, чем американки. Они лучше выполняют роль жены, т. к. *«они нежнее»*, *«для них семья важна даже ущерб карьере»*, наконец, поскольку *«традиционность семейного уклада намного больше проявляется в России»*.

Еще одно качество, приписываемое участниками интервью и американкам, и русским женщинам, — сила, характеристика, которая является составной частью стереотипа мужчины. Но если сила американок понимается во вполне традиционном ключе (*«певича Мадонна — это типичная американка, сильная и независимая»*), то сила русских женщин трактуется в соответствии с национальными канонами женственности, как сила духа, нравственная сила.

Таким образом, различное содержание, вкладываемое в маркер силы, служит как для позитивной идентификации Своих, так и для негативной иден-

тификации Чужих, что еще раз свидетельствует об амбивалентности и ситуативности использования гендерных маркеров в процессе идентификации.

Информанты противопоставляли качества американок и россиянок и отвечая на вопрос о том, кого они могут назвать типичными представительницами США и России.

Образы сострадательных, душевных Своих женщин, не сексапильных красавиц или бизнес-леди, а скорее матерей (Л. Зыкина, Н. Бабкина, Л. Федосеева-Шукшина), противопоставляются самостоятельным и практичным Чужим, американкам («красивые и независимые», «без комплексов и целеустремленные») (Б. Спирс, Н. Кидман, М. Монро, Мадонна).

В. Толкунова — русская женщина, добросердечная, мягкая, душевная;
М. Монро — американка, самостоятельная, решительная, сильная личность.
Маша

Чуть более подробная аргументация юноши позволяет понять, что, несмотря на кажущуюся позитивность образа американки, именно свой нормативный образец задается в качестве эталона.

Русская женщина — это моя мама, это самый добрый и заботливый человек, которого я знаю. А типичная американка — Кейт Хадсон. Жительница Нью-Йорка, карьеристка, ведет здоровый образ жизни, занимает высокую должность с хорошим окладом, выглядит моложе своих лет, ухожена, следит за собой, одевается в брендовых магазинах. Имеет собственное жилье в городе, личный автомобиль. Независима. В 27 еще не замужем, детей нет. *Леша*

Подведем итоги. Американский Другой (как и Запад в целом [20]) играет большую роль в формировании современных российских гендерных моделей.

Характеристики, которыми наделяют американцев и русских наши информанты, вовсе не являются качествами американцев и русских как таковых, эти образы отвечают потребностям национальной идентичности России. При этом использование гендерных маркеров в отношении Своих и Чужих контекстуально: они меняются в соответствии с изменениями потребностей идентичности.

Гендерная девиантность американского Другого подчеркивает гендерную «нормальность» Своих, порождая, наряду с прочими гендерными идентификаторами, антиамериканизм как побочное следствие процесса идентификации. Можно ли эти настроения преодолеть — зависит в том числе от того, насколько значимым будет американский Другой в национальной идентичности России.

Библиографический список

1. *Вершинина Д. Б.* Британский антиамериканизм начала XXI века в европейском контексте // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2011. Вып. 3. С. 129—133.
2. *Гарусова Л. Н.* Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в современной России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 78—86.
3. Гомосексуальность в российском общественном мнении // Левада-центр, 06.08.2010. URL: <http://www.levada.ru/press/2010080602.html> (дата обращения: 25.09.2012).
4. *Дубин Б.* Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3. С. 44—49.

5. Идеальный образ России // База данных ФОМ, 13.01.2003. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/power/of034401> (дата обращения: 25.09.2012).
6. Отношение россиян к другим странам // Левада-центр, 14. 06. 2012. URL: <http://www.levada.ru/14-06-2012/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam> (дата обращения: 25.09.2012).
7. Российско-американские отношения и выборы в США // База данных ФОМ, 07.02.2008. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d080624> (дата обращения: 25.09.2012).
8. Россия — США: спустя два с половиной года после «перезагрузки» // ВЦИОМ, 13.09.2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111941> (дата обращения: 25.09.2012).
9. *Рябов О. В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филол. науки. 2000. № 3. С. 28—37.
10. *Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в рос. о-ве. 2005. № 3/4. С. 19—28.
11. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem, 2007. 290 с.
12. *Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // Тр. Карел. науч. центра РАН. 2011. № 6. С. 114—123.
13. *Рябова Т. Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в рос. о-ве. 2001. № 3/4. С. 3—12.
14. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 224 с.
15. *Рябова Т. Б.* Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. Т. 8 (2006), вып. 4. С. 307—320.
16. *Рябова Т. Б., Лямина А. А.* Антиамериканизм по-ивановски : к вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов // Женщина в рос. о-ве. 2007. № 1. Р. 50—57.
17. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48—63.
18. *Холландер П.* Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб. : Лань, 2000. 864 с.
19. *Тренин Д. В.* Интеграция и идентичность : Россия как «новый Запад». М. : Европа, 2006. 403 с.
20. *Цалко Е. О., Рябова Т. Б.* Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов : (по результатам социологического исследования) // Женщина в рос. о-ве. 2010. № 2. С. 57—65.
21. *The Anti-American Century / ed. by I. Krastev, A. McPherson.* Budapest ; New York : CEU press, 2007. 162 p.
22. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference / ed. by F. Barth.* London ; Bergen, 1969. P. 9—38.
23. *Berman R.* Anti-Americanism in Europe : a Cultural Problem. Stanford (CA) : Hoover Institution Press, 2004. 158 p.
24. *Buruma I., Margalit A.* Occidentalism : the West in the Eyes of Its Enemies. New York : The Penguin Press, 2004. 165 p.
25. *Chiozza G.* A crisis like no other? : anti-Americanism at the time of the Iraq war // *European J. of International Relations.* 2009. [Vol.] 15. P. 257—283.
26. *Cohn C.* Wars, wimps, and women : talking gender and thinking war // *Gendering War Talk / ed. by M. Cooke, A. Woollacott.* Princeton (NJ) : Princeton Univ. Press, 1993. P. 227—246.

27. *Eriksen T. H.* The sexual life of nation : notes on gender and nationhood // *Kvinner, køn og forskning*. 2002. [№] 2. P. 52—65. URL: [http://folk.uio.no/geirthe/Sexual life.html](http://folk.uio.no/geirthe/Sexual%20life.html) (дата обращения: 25.09.2012).
28. *Forsberg T.* German foreign policy and the war on Iraq: anti-Americanism, pacifism or emancipation? // *Security Dialogue*. Vol. 36 (2005), № 2. P. 213—231.
29. *Gibson J.* *Hating America : the New World Sport*. New York : Harper Collins, 2004. 304 p.
30. *Hahn G.* Anti-Americanism, anti-westernism, and anti-semitism among Russia's Muslims // *Demokratizatsiya*. Vol. 16 (2008), № 1. P. 49—60.
31. *Isernia P.* A Crisis like no other? : anti-Americanism at the time of the Iraq war // *The United States Contested : American Unilateralism and European Discontent* / ed. by S. Fabbrini. London : Routledge, 2006. P. 130—158.
32. *Jenkins R.* *Social Identity*. London ; New York : Routledge, 1996. 206 p.
33. *Keohane R. O., Katzenstein P. J.* Varieties of anti-Americanism : a framework for analysis // *Anti-Americanisms in World Politics* / ed. by R. O. Keohane, P. J. Katzenstein. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2006. P. 9—38.
34. *Kovacs J. M.* «Little America» : Eastern European economic cultures in the EU // *The Anti-American Century*. P. 27—48.
35. *Krastev I.* The anti-American century? // *Ibid.* P. 7—26.
36. *Lukyanov F.* America as the mirror of Russian phobias // *Social Research*. Vol. 72 (2005), № 4. P. 859—872.
37. *Martin D.* *Rebuilding Brand America : What We Must Do to Restore Our Reputation and Safeguard the Future of American Business Abroad*. New York : AMACOM, 2007. 304 p.
38. *Neumann I.* *Uses of the Other : «The East» in European Identity Formation*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1999. 281 p.
39. *Niva S.* Tough and tender : new world order masculinity and the gulf war // *A Man Question in International Politics* / ed. by M. Zalewski, J. Parpart. Oxford : Westview press, 1998. P. 109—128.
40. *Nolan M.* Anti-Americanism and Americanization in Germany // *Politics & Society*. Vol. 33 (2005), № 1. P. 88—122.
41. *Noor F. A.* How «Big Brother» became «The Great Satan» : changing perceptions of the United States among the Muslim communities of Southeast Asia // *The Anti-American Century*. P. 109—127.
42. *Ruzza C., Bozzini E.* Anti-Americanism and the European peace movement: the Iraq war // *The United States Contested*. P. 112—129.
43. *Savkina I.* Гендер с русским акцентом // *Vater Rhein und Mutter Wolga : Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland* / ed. by E. Cheaure, R. Nohejl, A. Napp. Würzburg : Ergon Verlag, 2005. S. 485—496.
44. *Shiraev E., Zubok V.* *Anti-Americanism in Russia: from Stalin to Putin*. New York : Palgrave, 2000. 182 p.
45. *Spike Peterson V.* Gendered nationalism : reproducing «Us» versus «Them» // *The Women and War Reader* / ed. by L. A. Lorentzen, J. Turpin. New York : NYU Press, 1998. P. 41—49.
46. *The Rise of Anti-Americanism* / ed. by B. O'Connor, M. Griffiths. London : Routledge, 2005. 225 p.
47. *Yuval-Davis N.* *Gender and Nation*. London ; Thousand Oaks (CA) : Sage Publications, 1997. 157 p.